

Бийгельдиева Ч.А.

**АЗЫРКЫ КЫРГЫЗ МАДАНИЯТЫНДАГЫ МИФТИН БААЛУУЛУГУ
ЖАНА МАЗМУНДУУЛУГУ**

Бийгельдиева Ч.А.

**АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ МИФА В СОВРЕМЕННОЙ
КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Ch.A. Biigeldieva

THE AXIOLOGICAL CONTENT OF MYTH IN MODERN KYRGYZ CULTURE

УДК: 7.046.1:008 (575.2)

Бул макалада кыргыз элинин эпикалык чыгармадагы гумандуулук ойлору чагылдырылган. Көчмөндөрдүн айлана-чөйрөгө, жаратылышка, жан-жаныбарларга жана өсүмдүктөргө болгон мамилеси каралган. Автор байыркы кыргыз элинин гумандуулук ой жүгүртүүсү, дүйнөгө болгон көз карашы алардын уламыштарында, эпикалык чыгармаларында жана эмпирикалык билим булактарында көрүүгө болот деген жыйынтыкка келген.

Негизги сөздөр: экологиялык баалуулугу, гуманизм, убаал, адам табияты, табу.

В статье анализируются гуманистические идеи кыргызского народа, которые отражены в эпических произведениях. Рассматривается отношение кочевников к окружающей природе, животному и растительному миру. Автор приходит к выводу, что истоки гуманистической мысли в мировоззрениях древних кыргызов проявились, в первую очередь, в их мифах, эпических произведениях и эмпирических знаниях.

Ключевые слова: экологическая ценность, гуманизм, человек-природа, табу.

The article analyzes the humanistic ideas of the Kyrgyz people, as reflected in the epic. We consider the relation of the nomads to the natural environment, flora and fauna. The author concludes that the origins of humanist thought in the worldview of the ancient Kyrgyz manifested primarily in their myths, epics and empirical knowledge.

Key words: ecological value, humanism, man-nature, taboo.

Жизнь кыргыз-кочевника проходила в строгом соблюдении традиционных знаний и практик. В процессе жизнедеятельности и ведения хозяйства он пытался не навредить природе, об этом свидетельствуют устные эпические произведения, где концентрированном виде получило отражение отношение человека к природе: не природа принадлежит человеку, а человек является органической частью природы. В мыслях, в словах, на деле кочевники обращались к единственному источнику жизни – Природе. Как отмечает Б. Аманалиев в своей работе «Зависимость от природы, почитание природы в отдельных ее проявлениях – вот что главным образом характеризует верования киргизов того времени. Поклонение природе во многих случаях основывалось на одухотворении ее явлений. При этом олицетворялись основные силы природы» [1, с. 15]. Природа – это некая всевышняя сила, необходимо свято почитать

ее, преклоняться, жить в единении с ней, не нанося ей вреда. Такие ценностные ориентации можно извлечь из фольклорных, устных народных произведениях, кроме того, можно и из мифов. Живая, одухотворенная, сакральная природа всегда может дать ответ на все деяния человека. «Природные ориентиры бытия доминируют в системе ценностей традиционного мышления Центральной Азии...» [2, с.103]

Кыргызы, как кочевой народ, всегда жили в тесной взаимосвязи с окружающей средой и никогда не считали себя хозяевами природы, наоборот, они вели себя как рядовые члены мироздания, живущие в созданной великим творцом природе. Считалось, что природа живая и неживая – имеет равные с человеком права. Микрокосм (Человек) и макрокосм (Вселенная) взаимопроникают друг в друга: «Для миропонимания, мироотношения древних кыргызов были характерны признание священности природы... кочевой образ жизни исключал антропоцентризм, человек ни при каких обстоятельствах не мог поставить себя выше природы. Экоцентризм был единственно возможным мировосприятием» [3, с.15]. Человек вступал с ней (Природой, Вселенной) в диалог, переживал и считал, что между человеком и природой должно царить взаимопонимание. Как отмечает Ы.Мукасов, «они не отделяли себя от природы и не пытались насильственно вторгаться в ее тайны, никогда не противопоставляли себя природе и не были ей враждебны, а всегда оставались частью ее, всегда любили ее благовейной любовью». [4].

Разумеется, велика роль нравственно-экологической проблематики, вытекающей из существа этой архаической семантической структуры. Дело в том, что человек в своих отношениях с природой еще в далекой древности попадал в тяжкие обстоятельства. Хотя они не носили столь глобальный, как сегодня характер, тем не менее, вследствие активной деятельности человека с его всерастущей производственной мощью условия окружающей среды, необходимые для жизни социума, иногда подвергались резким изменениям. К примеру, из областей, где охотники безжалостно истребляли дичь, целые популяции животных уходили в другие регионы, а некоторые виды попросту исчезали. Как упоминают о том сейчас ученые, все это стала причиной первого

экологического кризиса в жизни первобытных племен.

Архаическое сознание, порывающееся понять и осмыслить суть подобных сложных коллизий, исходя из значимости для жизни общества, превратило весь существующий исторический опыт, связанный с взаимоотношениями человека и природы в устойчивую семантическую систему. Актуализируясь, таким образом, он обрел сакральное значение и подлежал постоянному воспроизведению в жизни социального коллектива, в его повседневной духовно-практической деятельности: в ритуальных обрядах и обычаях, эпических произведениях, а также в мифологических сказаниях и песнопениях. С помощью такой практики древняя идеология пыталась гармонизировать взаимоотношения между обществом и природой.

Известно, у кыргызов занятие кочевым скотоводством сочеталось с охотой. Охота для них была одним из важных промыслов после главного – скотоводства. Люди непосредственно сталкиваясь с животным миром, уже древности пытались осмыслить сохранение связи между человеком и природой. Эти отношения наложили отпечаток на мировоззрение кыргызов, отражаясь в устном творчестве («Кожожаш» и «Карагул Ботом»).

Эпос «Кожожаш» и вытекающая из него весьма актуальная для современной жизни концепция убедительно свидетельствуют о том, как издавна народное сознание уделяло пристальное внимание осмыслению отношений «человек – природа». Кроме того, в эпическом творении реализм в постижении объективного мира необычным образом сочетается с лирикой, фантазией, мифом. Кожожаш – любимый герой, слушание о его деяниях практически не вызывает отрицательных эмоций, кроме некоторых моментов сострадания. Но при детальном рассмотрении выявляются такие антигуманные поступки, характерные для традиционного общества кочевников, как высокомерие, несоблюдение норм в обращении с природой, в частности, поголовное истребление потомков Сурэчки – Кайберен.

Кроме того, можно выделить, что в «Кожожаше» в образной форме раскрыта закономерность постепенного осознания людьми своей людской, человеческой сущности, в результате чего происходит отчуждение человека от мира природы. С точки зрения известного кыргызского философа Т. Аскарва, охотник Кожожаш – как бы посредник между миром людей и миром природы, и в этом двойственность его положения. «У мергена словно две души: человека и кайберена и они как бы воюют друг с другом. Душа охотника, только отделившись от природы, как бы продолжает диктовать ему не забывать свою «природную» суть. Он по-прежнему мерген, первобытный охотник, дикое человеческое существо и не должен слишком резко и бесповоротно попрощаться со своим вчерашним днем; он должен навязывать свои права «племени» диких

животных, ведомых Сурэчки. И одновременно Кожожаш не должен слишком уж поддаваться психологии разумных существ-людей. Но тут свою роль играет положение сородичей охотника – его племя без его человеческой помощи и поддержки может потерять вновь обретенное свое коллективное, социальное положение.... И две души охотника в решительную минуту вступают в конфликт с друг с другом из-за той же основной цели: каждая из двух душ пытается установить свой «статус-кво» в пространстве, где уже не могут и не смогли тихо, мирно разойтись» [5, с. 28.]. Это противопоставление мира человека миру природы заканчивается гибелью Кожожаша.

Для древнего охотника животные были и существованием добычей, и друзьями, и врагами. Мифологизируя окружающую действительность, человек свято верил, что удача или неудача на охоте полностью зависит от воли духа – покровителя животных (кийиков) – Кайберен. Существовала магическое число «тысяча», более добывать дичи не имел права никто. «В народе говорить, - пишет по этому поводу этнограф Т. Баялиева, - что более тысячи кийиков убивать нельзя. Тысячи первый кийик будто бы дает знать об этом охотнику, вставая на задние ноги, или же охотнику снятся сны, предупреждающие об опасности. Но если охотник не обратит на это внимание, его постигает кара – он слепнет, глохнет, трагически умирает». [6, с.18]

В эпосе своеобразно обрисовывается спор между Кожожашем и Кайбереном, свидетельствующий об абсолютном вере в особые качества Кайберена – священного животного, способного разговаривать с человеком и выражать свои чувства. Словом, Сурэчки клянется отомстить Кожожашу за уничтожение своего потомства и Алабаша, а необузданный Кожожаш, защищая свой честь и величие охотника, клянется, что, не успокоится до тех пор, пока не изволят Сурэчки. В конечном итоге, Сурэчки удается заманить охотника на склон неприступной скалы и оставить там умирать.

Итак, в эпосе «Кожожаш» ярко проходит эколого-гуманистическая мысль, что человек является детищем природы и принадлежит ей. Действия Кожожаша, разрушившие предустановленную гармонию человеком с природой, получают негативную оценку со стороны народа. В народном творчестве отражено не только суеверное отношение древних кыргызов к предсказуемым силам природы, но и наивное знание предков о том, что природа мстит за неразумное и безмерно награждает человека за гуманное. Природа – источник благ и главное условие человеческого существования.

Необходимостью компромисса между производом человеческой воли и обратной реакцией природных сил демонстрирует легенда и о другом охотнике, «который в азарте добычи истребил много диких коз в горах. И ... вот он снял с последнего козла шкуру, и дикий вопль потряс небо – среди

мертвых козлят лежал и его сын – Карагул в козьей шкуре, вывернутый мехом наружу, на груди мальчика краснела маленькая дырочка. Охотник колотил ружье о камни, грыз землю, а потом упал на труп сына и затих. От этой легенды сохранился только плач – причитание, песнь – страдание и прозрения» [7, с. 128]. Так охотник своим беспощадным вторжением в мир природы навлек на себя возмездие природы.

Издревле прослеживается система обычаев и норм, касающихся природоохранных ограничений и запретов. Это отразилось через призму понятия «убал». Понятие «убал» в системе традиционных знаний кыргызов – своеобразный защитный механизм, служащий психологическим, воспитательным ограничителем: «Бейкүнөө кумурскага зыян кылба, убалы тиет» - «Не причиняй вреда безвинному муравью, будет убал за это» (понесешь за это убал), «Чөптү да жөнү жок тебелеп-тепсеп, үзсөн убал, тийбе» - «Не топчи траву без надобности, не срывай, убал будет», «Малды тепе» - «Не пинай животных». Эти правила работают и в социальной сфере, когда проявляются безнравственные поступки в отношении окружающих людей, общества.

Понятие «убал» обеспечивало устойчивость взаимоотношения человека с природой, а именно благодаря этому понятию на протяжении многих веков взаимодействие человека и природы находилось в равновесии. Аксиологическая ценность этого – бережное отношение к природе и рациональное ее использование, защита экосферы, соблюдение чистоты воды и т.д.

Итак, сформировавшиеся в течение многих поколений в народном сознании этнотрадиции оказывали воздействие на бережное отношение кочевников к окружающей природе, животному и растительному миру. Чаще всего оно выражалось в идее добра, милосердия, гуманизма.

Весьма оригинальную версию эпоса «Кожожаш» предложил в наше время известный драматург М.Байджиев.[8, с.64.] По одноименной его повести кинорежиссера Т. Океев поставил художественный фильм «Потомок белого барса». Отметим, что главная идея сказания о трагической участи Кожожаша была в одинаковой степени воспроизведена как в повести, так и в кинокартине. Только трагедия Кожожаша показана в обеих версиях еще глубже, нежели в оригинале, поскольку в единую сюжетно-композиционную ткань сразу вписались два эпоса – «Кожожаш» и «Карагул ботом». О схожести этих произведений и трагической доле главных персонажей – Кожожаша («Кожожаш») и Ашыра («Карагул ботом») отмечал еще С.Закиров. [9, с.6] Если в оригинале эпоса трагедия героя-охотника заключается лишь в «неприкосновенности» к скале, то кинофильме и повести она углубляется еще и тем, что Кожожаш убивает ружьем собственного сына (основной сюжет поэмы «Карагул Ботом»). Это обстоятельство отнюдь не стала противоречить художест-

венной концепции эпоса. Наоборот, образ Кожожаша успел получить качественно новое содержание. Итак, подобные художественно-поэтические, прозаические, кинематографические интерпретации позволяют нам сделать вывод о том, что народное сказания имеют тенденцию трансформироваться в новых исторических условиях, приобретая содержание, актуальное для данной исторической ситуации.

Эпической традицией кыргызского народа был сформирован прочный багаж традиционных образных стереотипов, моральных норм, духовных ценностей. Фольклор как художественное проявление традиции в его старых, вековых формах, оказался малоспособным к выражению чрезвычайно усложнившегося мира, национального мировосприятия. Но здесь возникает другая проблема – проблема трансплантации художественных образов произведений прошлого в новую культурную среду, где они рационально и эстетически перерабатываются. Вписанные в совершенно иные социокультурные условия художественное явление приобретает новое качество, становится символом, который свободно передвигается в культурно-историческом пространстве.

Итак, можно констатировать, что истоки гуманистической мысли в мировоззрениях древних кыргызов проявились, в первую очередь, в их мифах, эпических произведениях и эмпирических знаниях. Мифологическое сознание, в основе которого лежит стремление человека понять мир, и самого себя, является важной предпосылкой формирования гуманистической мысли кыргызов. Домусульманские верования в фольклоре осуществляли мировоззренческую функцию и бытовали в сознании древних кыргызов в форме здравого смысла, рассудка, народной мудрости. А эмпирические знания людей носила реалистический и позитивный характер. Они являлись основой более высокого уровня отражения законов природных и общественных явлений в познании. Каждое из произведений включает в себе глубокий смысл – передающееся из поколения о том, что любое зло, направленное против природы, неизменно оборачивается злом для самого человека. Эта идеология и связанные с ней разного рода табу, поверья и приметы, испокон веков играли роль своего рода, морального кодекса, взаимоотношений человека и природы.

Литература:

1. Аманалиев Б.А. Из истории философской мысли кыргызского народа. - Ф.1963.
2. Токтосунова А.И. Традиционная система мышления кочевников как источник развития кочевой культуры // Центральная Азия и культура мира. -2006. -№ 1-2.
3. Жумагулов М. Онтология экологической этики. – Б. 2010.
4. Мукасов Ы.М. Философская мысль в контексте развития кыргызской культуры
5. Аскараров Т.А. Преемственность как форма сохранения эстетических ценностей // Преемственность народной

- мудрости в современной кыргызской философии. – Бишкек, 2006.
6. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов [Текст] – Ф.1972
7. Таджикива Г., Курманбекова А. Семена, посеянные мудростью.
8. Байжиев М.Т. Потомок белого барса. – Фрунзе: Мектеп, 1987.
9. Закиров С. Кириш сөз // Элдик поэмалар. - Ф.: Кыргызстан 1973.

Рецензент: кандидат по культурологии Усенова Н.Э.
